

Коркия Эка Демуриевна

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии коммуникативных систем
социологического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА В КУЛЬТУРЕ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ

Аннотация:

В статье рассматривается проблема социального одиночества у подростков в контексте увеличения доли онлайн-обучения. Исследуется феномен социального одиночества в различных научно-культурных трактовках. Предпринята попытка вычленения детерминантов социального и культурологического процессов. Особое внимание уделяется социальным эффектам культуры онлайн-обучения. Проводится социокультурный анализ возможных последствий социального одиночества у подростков. На основе представления и обзора теорий и концепций по данному вопросу автор подчеркивает, что явление социального одиночества, обусловленного онлайн-обучением, непосредственно связано с развитием личности, оно может негативно отразиться на социализации и индивидуализации человека. В соответствии с социокультурным подходом весь процесс такого обучения проходит в рамках «жизненного мира», который представляет собой события, явления, влияющие на восприятие индивидом себя и общества.

Ключевые слова:

социальное одиночество, онлайн-обучение, COVID-19, дистанционное обучение, подростковый возраст, изоляция, онлайн-образование, культура обучения, информационные технологии, социальные практики, информационный кризис, культурная среда

Korkiya Eka Demurievna

PhD, Associate Professor,
Department of the Subdepartment of Sociology
of Communication Systems,
Moscow State University

THE PHENOMENON OF SOCIAL LONELINESS IN ONLINE LEARNING CULTURE

Summary:

The article examines the problem of social loneliness in adolescents in the context of an increase in the percentage of online education. The phenomenon of social loneliness is investigated in various scientific and cultural interpretations. An attempt has been made to isolate the determinants of social and cultural processes. Particular attention is paid to the social effects of the culture of online learning. A sociocultural analysis of the possible consequences of social loneliness among adolescents is carried out. Based on the presentation and review of theories and concepts on this issue, the author emphasizes that the phenomenon of social loneliness caused by online learning is directly related to personality development. It can affect the socialization and individualization of a person negatively. In accordance with the socio-cultural approach, the entire process of such training takes place within the framework of the "life world", which is represented by events, phenomena that affect the individual's perception of himself and society.

Keywords:

social loneliness, online learning, COVID-19, distance learning, adolescence, isolation, online education, learning culture, information technology, social practices, information crisis, cultural environment

С развитием информационных технологий, их широкого потенциала все ощутимее становится диффузия образования и IT-технологий, которые тотально внедряются в сферу образования. Современное обучение уже сложно представить без мультимедиа сопровождения, как и современного подростка без смартфона. Сциентизация социальных практик, произошедшая на наших глазах, с необходимостью изменила и всю систему образовательных технологий. Определенный драйв в этот процесс внесла и пандемия.

Эпидемия COVID-19 заставила образовательные системы мира строить весь учебный процесс с опорой исключительно на достижения технологий, поэтому на первое место в нем вышли средства опосредованной коммуникации. Уроки переместились на образовательные площадки, а персональная и групповая коммуникация – в видеочаты и мессенджеры. В период вынужденного дистанционного обучения (фактически целый год) подростки ведут учебную коммуникацию подобным образом. Онлайн-обучение стало социокультурным феноменом и институцией в современном мировом пространстве.

В результате данного процесса, сложного и многовариантного по последствиям, особую актуальность приобретает проблема качества социализации детей и подростков. Школа традиционно, по статусу, при всех вариациях развития помимо образовательной функции выполняла еще воспитательную и социализирующую. При взаимодействии со сверстниками учащийся получает первый опыт выстраивания отношений в коллективе, групповой работы, а также образцы поведенческих паттернов. В условиях дистанционного обучения значительно страдает именно социальная часть образовательного процесса. Отчужденность и изолированность ребенка от

коллектива и живого общения, что само по себе неестественно, создают опасность возникновения чувства одиночества. Хотя школьник находится в семье, продолжает живое общение с родителями и де-факто не остается один, отсутствие личного взаимодействия со сверстниками может приводить к формированию особого ощущения – социального одиночества.

Проблема одиночества стала актуальной для человека с момента возникновения общества, с ходом развития социальной сферы эволюционировали и многообразные подходы к пониманию значения одиночества для индивида. На сегодняшний день существует широкий спектр концепций и методик анализа состояния социального одиночества. Следовательно, чтобы вести речь о противодействии формированию данного феномена, необходимо разобраться в трактовке понятия и причинах его появления [1].

Процесс активного становления теоретических концепций в социальной науке в конце второй половины XIX в. постулировал обновленный порядок интерпретации переживания ощущения одиночества, который зиждился на полипредметности теоретических изысканий и психологических исследований, а также определении доминант различного порядка в природе человеческого бытия [2, с. 304; 3]. В обозначенный период происходит явная дифференциация многообразных подходов к трактовке феномена одиночества. Наступившая эпоха господства модернизма в психологической науке опирается на тенденции объективизации знания в научной интерпретации. Зарубежное гуманитарное знание углубляется в индивидуальные экзистенциальные аспекты человеческой жизни. Так, популярные теории персонализма, тейярдизма, философии жизни и другие внесли весомый вклад в выработку европейской рефлексии по проблемам одиночества. В свою очередь, русская философская мысль выделялась глубинным психологизмом, субъективизмом и пронизывающим трагизмом. Одиночество интерпретируется в ней через призму поиска человеком пути к саморазвитию, самосовершенствованию, достижению истины. Здесь одиночество выступает как неотъемлемый атрибут развития и символ близости к истинности бытия [4].

Проблематика социального одиночества получила отражение в социальной научной мысли. Однако для предметного понимания и выработки операциональных теорий необходимо обратиться и к другим концепциям, в частности к психологическому пониманию феномена одиночества. Так, видный представитель психоаналитического направления Э. Фромм считал, что одиночество имманентно человеческому существованию, потому что является прямым следствием оторванности людей от единства с природным бытием. В силу этого человеку свойственно испытывать чувство одиночества в отношении не только к глобальным бытийным принципам мироздания, но и в том числе к ближайшему социальному окружению. Э. Фромм делает акцент на том, что личное переживание изолированности и отсутствия приобщенности к какой-либо социальной группе может приводить и зачастую приводит к серьезным психологическим отклонениям, а также к патологии и девиации дальнейшего психофизического развития [5]. Исследователь утверждает, что даже абсолютное удовлетворение базовых физиологических потребностей не может гарантировать индивиду продуктивное гармоничное саморазвитие, поскольку в подобном случае разворачивается процесс изоляции от окружающего социума. Э. Фромм выделил два пути постепенного принятия и преодоления всеобъемлющей изоляции. Первый характеризуется устремлением к обретению единства на духовном, сакральном, социальном или межличностном уровне. Второй путь выражается доминирующей позицией субъекта по отношению к окружающему его социуму, что должно создавать феномен консолидации окружающих личность людей, а самого индивида – выносить за границы создающего данное единое и целостное [6].

Позиция Э. Фромма представляет собой, по сути, гуманистическую эволюцию и проработку идей З. Фрейда. Классический психоанализ, опирающийся на идеи его основателя, определяет одиночество как абсолютно негативный феномен, который выражается в отсутствии гармонизации человеком инстинктивно- бессознательного и морально-этического. Некорректная реализация либидозной энергии в описанном случае влияет на постепенное или радикальное усугубление изоляции личности от общества, что приводит к ряду психических и поведенческих девиаций [7].

Современники Э. Фромма – не менее известные исследователи В. Франкл и К. Роджерс – предложили иную трактовку феномена одиночества. Так, первый рассматривает данное состояние личности через призму отсутствия смысла жизни в целом, вместе с нереализованностью в профессиональной сфере и области близких межличностных контактов, что он определял базисным с точки зрения обретения смысла в любви и интенциональности человеческого бытия. Это приводит к толкованию одиночества как состояния потери смысла собственной реализации, замкнутости на самом себе, что не позволяет найти смысл в трансцендентном, выходящем за пределы понимания себя как индивида и общества и как совокупности индивидов [8].

В свою очередь, К. Роджерс выдвигает теорию социально желательного поведения, которое противопоставляется истинной самоактуализации. Индивид ставится перед выбором: качественно адаптироваться для того, чтобы достигать личных целей и в дальнейшем двигаться к

самоактуализации, или развиваться в сторону противопоставления социальному и, теряя гибкость и общественную адаптивность, нивелировать любую возможность для реализации собственных социальных потребностей [9].

Р. Вейс разделяет ресурсность и подкрепление переживания одиночества, размышляя о парадоксальности внешней атрибутики благополучия и интеграции в какую-либо социальную общность. В переживании одиночества он определяет два направления. Первое характеризуется непосредственной эмоциональной изоляцией личности, что, в свою очередь, опосредовано неудовлетворенностью личной близостью и доверительностью собственных контактов с конкретным человеком. Второе направление отражает одиночество социальное, которому свойственно ощущение отсутствия необходимого круга социальных контактов [10].

На амбивалентность природы переживания одиночества указывает Дж. Фландерс, который помещает социальное одиночество в границы собственного теоретико-системного подхода. Со стороны реализации процесса общественных отношений переживание человеком хронического одиночества становится деструктивной интенцией на дороге к патологиям в ходе интеграции в социальную деятельность. При этом осознанный подход индивида к собственному переживанию одиночества должен стать рефлексивным инструментом для изменения стратегии само-реализации, а также реализации своего потенциала в профессиональной деятельности и межличностном общении [11].

Д. Янг определяет понятие одиночества через различия в уровне развития когний. Одиночество, по его мнению, есть следствие несоответствия желаемого уровня развития и глубины существующих социальных контактов с доступным уровнем: «Одиночество – отсутствие или вообразимое отсутствие удовлетворительных социальных отношений» [12, с. 552].

Сказанное приводит к трактовке одиночества как некой формы кратковременной или длительной социальной изолированности, разрыва социальных связей индивида, который ощущает потребность в неформальных контактах, а описанный разрыв порождает у него комплекс отрицательных эмоций. Под подростками мы понимаем детей в возрасте 12–14 лет, что соответствует периоду младшего подросткового возраста в возрастной периодизации Д.Б. Эльконина, а также детей в возрасте 15–17 лет, что отвечает старшему подростковому возрасту в той же периодизации. Важной особенностью социального одиночества у подростков является именно возраст, в котором оно возникает, что напрямую коррелирует с возможными последствиями [13, с. 23].

При прохождении кризисов взросления ребенок меняется как внешне, так и внутреннее. Изменения связаны с гормональной перестройкой организма, в силу чего возникает интерес к противоположному полу. Особое значение приобретает то, насколько твои внешность и поведение соответствуют принятым в группе, от чего зависит самооценка. Неравномерность внешнего развития и проблемы в установлении социального контакта в рефератной группе могут вести к попыткам дистанцироваться от общества. Как правило, именно в подростковом возрасте формируется возможность разделения понятий одиночества и уединения. Если младшие школьники и дошкольники одиночество чаще всего определяют как отсутствие людей вокруг, то подростки говорят о неудовлетворительности качеством общения в коллективе. Речь идет о ситуации, когда формально подросток включен в социум, но устоявшихся дружеских связей в нем не имеет.

В подростковом возрасте проблема одиночества приобретает настолько важное значение, что ее изучение и решение становится одной из приоритетных задач возрастной психологии, педагогики [14]. Подростковый возраст – время формирования самосознания, становления личности, когда она обязательно сталкивается с переживанием чувства одиночества [15]. По мнению отечественного ученого И.С. Кона, «чувство одиночества... это нормальное явление, следствие рождения внутренней жизни» [16, с. 59]. Подросток в этом возрасте стремится продемонстрировать окружающему миру, а также самому себе свои уникальность, ценность, неповторимость и значимость. В итоге он сталкивается с переживанием одиночества, откровенного «разговора с собой», в результате чего происходят индивидуализация, обособление и развитие личности [17].

На сегодняшний день феномен социального одиночества в культуре онлайн-обучения трансформируется, приобретая принципиально новые грани в цифровом обществе. Еще до перехода на дистанционные методы обучения социальное одиночество в среде подростков входило в список основных причин суицида наряду с другими личностными девиациями с такими социально опасными последствиями, как депрессия, алкоголизм, игромания [18]. По данным официальной статистики, в современном мире 1 млн человек каждый год кончает жизнь самоубийством, в силу чего важно уделить внимание специфике формирования социального одиночества, особенно механизмам социализации подростка в условиях изолированности от прямого контакта с учебным коллективом. В условиях дистанционного обучения коммуникация как с учащимися, так и с педагогами осуществляется через «посредника», а именно видео- и аудиоконференции, а также социальные сети. Если в случае с видеосвязью задача в большей степени сводится к передаче и контролю усвоения учебного материала, то в случае социальных сетей речь идет о формировании специфического социума – виртуального коллектива учащихся.

Рассмотрение вопроса интернет-коммуникации на сегодняшний день не имеет аксиологической оптики о пользе или вреде такого общения. Однако мы склонны полагать, что общение в социальных сетях сейчас является повсеместно распространенным и неотъемлемым феноменом социальной жизни не только подростка, но и взрослых. В силу этого наблюдается необходимость изучения социальных сетей исключительно как способа опосредованной социализации подростка.

Существует ряд исследований, представляющих порой противоположные взгляды на пользу интернет-коммуникации в среде подростков. Отечественные авторы А.И. Войскунский и В.Д. Менделевич пришли к негативным выводам. В частности, быстрое и регулярное просматривание сайтов и контента социальных сетей приводит к тому, что мозг человека начинает утрачивать способность к аналитическому мышлению. Это превращает постоянных пользователей в импульсивных и не способных к интеллектуальной работе людей [19]. Ученые считают, что созданные как дополнительные средства коммуникации социальные сети при длительном обращении к ним формируют социальную проблему: у пользователей-подростков появляются сложности в общении с новыми людьми, а попадание в незнакомую компанию становится стрессовой ситуацией. Со временем молодой человек замыкается в себе, что неизбежно влияет на учебу, возникают проблемы с приемом пищи и сном, справиться с которым без помощи специалиста становится затруднительно. Кроме того, по мнению данных авторов, помимо мыслительных и психических отклонений могут наблюдаться физиологические заболевания. В итоге уход в виртуальное общение ведет к редукции навыков взаимодействия с другими людьми, нарушениям в эмоциональной сфере, поскольку виртуальная реальность не дает истинного представления об окружающем мире, формируется ощущение реальности виртуального мира и абсолютной ненужности естественного, повседневного. При этом у подростков фиксируется искаженное восприятие собственной личности, объективной реальности, что приводит к трудностям при становлении дифференцированных и адекватных представлений о себе. Перенос коммуникации из реальных условий социума в сеть обуславливает аутизацию подростка, который начинает хуже распознавать реальные человеческие эмоции [20, с. 31].

Однако существует противоположное мнение. Так, М.В. Шматко и Е.А. Савченко реализовали исследование, в результате которого пришли к выводу, что тренировка коммуникативных навыков в социальных интернет-сетях позволила ее участникам накопить положительный опыт и применить его при установлении личных контактов [21]. Авторы отметили, что погружение подростков в опосредованный мир социальных сетей может привести к формированию различного рода страхов, связанных с личным общением только при отсутствии коммуникативных навыков как таковых, т. е. опыта удачного общения в референтной группе до использования возможностей социальных сетей. Кроме того, проведенный учеными эксперимент наглядно показал, что независимо от коммуникативного потенциала, врожденных способностей человека можно научить эффективной коммуникации с другими людьми, а также добиться целей через информационное воздействие.

В заключение стоит отметить, что проблема социального одиночества существовала в течение всей истории человечества. Осознанное уединение может вести к социокультурному личностному прогрессу, способствовать развитию навыка саморефлексии и самоанализа. Однако вынужденная изоляция способна обеспечить ускоренное формирование деструктивных личностных кризисов у подростка, поскольку ввиду изолированности от сверстников он обладает меньшими возможностями наблюдения подобных кризисов, а значит, имеет в арсенале меньше стратегий совладения с ними.

В контексте онлайн-обучения следует уделить значительное внимание использованию социальных сетей как средства для создания виртуальной культурно-коммуникативной среды, где подросток будет иметь возможность общения как с группой сверстников, так и индивидуально с каждым из них. Как правило, этому способствует создание виртуальных классов, где учащиеся объединяются в команды для достижения учебных или социальных целей. Проблема профилактики социального одиночества имеет огромное значение для успешной социализации личности, социально-экономического и культурного развития общества. Однако не менее важна параллельная работа по формированию у подростка чувства социальной ответственности за свои действия, воспитанию стремления иметь благополучную семью, укреплению уважения к представителям противоположного пола, развитию умения учитывать интересы окружающих и способности к самоорганизации, что в целом свидетельствует о необходимости исследования проблематики социокультурного воспитания и становления личности в условиях культуры онлайн-среды. Современный этап культуры онлайн-обучения отражает не только общий тренд на цифровизацию образовательных практик, но и широкий спектр социальных процессов: атомизацию общества, дискретность культурного поля и вынужденную изоляцию.

Ссылки:

1. Коркия Э.Д. Одиночество как предмет социокультурологического исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12. С. 38–41. <https://doi.org/10.23672/11142-1217-9355-q>.
2. Мамардашвили М. Психологическая топология пути // Мир человека : хрестоматия для учащихся полной средней школы (X–XI кл.) / под ред. А.Ф. Малышевского. М., 1993. С. 297–306.
3. Moustakas С.Е. Loneliness. Englewood Cliffs, 1961. 128 p.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. М.; Мн., 2005. 383 с.
5. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. Банкетово́й. М., 2006. 539 с.
6. Чурилова Е.Е., Каминская М.А. Феномен одиночества в философии и психологии // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 1. С. 114–129. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.013>.
7. Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997. 446 с.
8. Франкл В.Э. Человек в поисках смысла : сборник : пер. с англ. и нем. М., 1990. 367 с.
9. Роджерс К.: 1) К науке о личности // История зарубежной психологии : тексты. М., 1986. С. 14–40 ; 2) Эллен Вест и одиночество // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3. С. 30–45.
10. Вейс Р.С. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества : пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М., 1989. С. 114–128.
11. Flanders J.P. A General Systems Approach to Loneliness // Loneliness. A Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy / ed. by L.A. Peplau, D. Perlman. N. Y., 1982. P. 166–179.
12. Янг Дж.И. Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение // Лабиринты одиночества. С. 552–593.
13. Платонова Н.М. Основы социальной педагогики : учебное пособие. СПб., 1997. 118 с.
14. Дольто Ф. На стороне подростка / пер. с фр. А.К. Борисовой. СПб., 1997. 278 с.
15. Старшенбаум Г.В. Любовь против одиночества. М., 1991. 64 с.
16. Кон И.С. Открытие «я». М., 1978. 367 с.
17. Там же.
18. Самоубийцы среди нас – официальная статистика [Электронный ресурс] // Статистика.ru : портал статистических данных. 2007. 15 нояб. URL: http://statistika.ru/naselen/2007/11/15/naselen_9298.html?curPos=10 (дата обращения: 22.03.2021).
19. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смыслова О.В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. М., 2010. С. 11–39.
20. Там же. С. 31.
21. Шматко М.В., Савченко Е.А. Оценка лидерского и коммуникативного потенциала абитуриентов и студентов омских вузов // Омские социально-гуманитарные чтения – 2016 : материалы IX Международной научно-практической конференции. Омск, 2016. С. 220–224.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна